

**«ЖЕНСКИЙ» ВОПРОС В ТЕОРИИ МАРКСИЗМА
(Почему брак марксизма с феминизмом
оказался несчастливым?)**

Теоретики марксизма, конечно, не были феминистами, и тема угнетения по признаку пола никогда не была специальным предметом их рассмотрения. Женский пол К. Маркс именовал — вполне в сексистском духе — «прекрасным полом» и позволял себе шутить по этому поводу (цитируя Фурье), великодушно объединяя красавиц и дурнушек: «Общественный прогресс может быть точно измерен по общественному положению прекрасного пола (дурнушек в том числе)»¹.

Однако, как бы ни был далек К. Маркс от феминизма², его концепция оказала огромное влияние на множество социологических, исторических и экономических теорий, в том числе и тех, в центре которых стояли проблемы женщин³. Не удивительно, что некоторые положения марксистской теории легли в основу и тех требований, которые выдвигают представительницы феминистского движения (в особенности те, кого причисляют к адептам социалистического и собственно марксистского феминизма, — требования равной оплаты за равный труд, равных возможностей на рынке труда), хотя — по большому счету — пути марксизма и феминизма разошлись еще в XIX в. Чтобы понять основания и причины сходства и расхождений между марксизмом и феминизмом, есть смысл остановиться подробнее на основных положениях марксистской политической, экономической и социологической теорий, имеющих отношение к «половому вопросу».

Социально-исторический контекст возникновения марксистской и феминистской концепций был общим. «Распространение капитализма, стремительная индустриализация, урбанистическая бедность, сдвиги в структуре семьи и отход от стандартных экономических ролей породили как либеральный, так и социалистический отклики»⁴. И марксизм, и феминизм имели в отношении женщин общую цель — эмансипацию от существующего «социального рабства». Однако теория либерального феминизма и марксистская теория по-разному видели причины существования угнетенного положения женщин и пути его преодоления, поэтому «брак» марксизма с феминизмом там, где он был возможен, оказался несчастливым.

Методологическими основами рассмотрения «полового вопроса», который в XIX в. предстал в образе «женского вопроса», у К. Маркса и Ф. Энгельса были: 1) *историзм* (существующее разделение труда между полами, считали К. Маркс и Ф. Энгельс, существовало не всегда, к тому же формы его постоянно менялись, семья — это историческая категория); 2) *прогрессивизм* — теоретики марксизма полагали, что развитие человечества движется поступательно⁵; 3) *принцип центрации* (типичный для европейского культурного сознания — в центре марксистской концепции стоял класс-гегемон, пролетариат)⁶; 4) *конфликтологическая парадигма* (двигателем общественного прогресса, считали они, является конфликт между производительными силами и производственными отношениями, который выражается в классовой борьбе);

¹ Маркс К. Письмо Л. Кугельману, 12 декабря 1868 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 486.

² Hartmann H. The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: Toward a More Progressive Union // Women and Revolution / Ed. by L. Sargent. Boston, 1981. P. 1–41

³ См. подробнее: Feminism and Philosophy / Ed. by M. Vetterling-Braggin, F. Elliston, J. English. Totowa (NJ), 1981.

⁴ Элиот П., Мендел Н. Теории феминизма // Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках. Харьков, 1998. С. 20.

⁵ Брайсон В. Политическая теория феминизма. М., 2001. С. 74.

⁶ Пантин В. И. Ритм общественного развития и переход к постмодерну // Вопр. философии. 1998. № 7. С. 3.

5) *универсализм* (типичная для многих теорий того времени вера в возможность создания универсальной картины мира и ее объяснимости)⁷.

Первые три принципа были созвучны и феминистскому взгляду на прошлое и настоящее (только в центр феминистской теории была поставлена женщина с ее интересами, а не пролетариат). Но, в отличие от феминисток и многих своих предшественников, К. Маркс и Ф. Энгельс *обращались не к индивиду, а к массам* — в том числе и к массам женщин, втянутых в наемный труд, но прежде всего — к их отцам и мужьям. Именно к ним они рассчитывали применить свои обобщающие, универсальные понятия, именно их втянуть в классовую борьбу.

Стремление к усреднению и отбрасыванию всех погрешностей, разрушающих схему, заставляло классиков марксизма *рассматривать прежде всего классический вариант развития* западного общества, «эктором» которого (в марксистской терминологии — гегемоном) следовало считать пролетария, борющегося против своих угнетателей. Тех, кто не вмещался в схему — крестьян, интеллигенцию и... женщин, в том числе жен пролетариев, — теоретики марксизма либо старались подтянуть под эту схему, либо оставляли за рамками своего рассмотрения. Для этого они использовали введенное еще до них понятие «класса» — понятие, не очень подходящее для анализа общества с учетом особенностей его социально-половой иерархии, но через которое хорошо определяется статус мужчины в мужском обществе. С женщинами — сложнее. На протяжении веков, всей доиндустриальной эпохи они были вытеснены из производственной сферы в домашнюю, не участвовали в отношениях собственности, распределения и присвоения общественного продукта, а потому их «приписывание» к тому или иному классу могло осуществляться лишь через мужчин — отцов или мужей этих женщин.

За «таинством пола», этой «смесью сентиментальности и домашних неурядиц» (Ф. Энгельс)⁸, марксисты увидели отношения воспроизводства человеческого рода, так что *половые отношения предстали у классиков одной из частных отношений производственных*: «Разделение труда, которое вначале было разделением труда в половом акте, стало потом разделением труда, совершавшимся само собой или “естественно возникшим” потребностям...»⁹ Ф. Энгельс, написав эти строки, не задался, к сожалению, вопросом о том, *почему же* в момент возникновения частной собственности разделение труда приобрело столь решающее значение для «всемирно-исторического поражения женского пола» — а именно так он определяет возникновение социально-полового неравенства¹⁰.

Почему собственность на скот, воду, землю стала концентрироваться именно в мужских руках? Почему именно мужчины стали относиться к женщинам как к собственности, а не наоборот?

Довольно подробно разобрав в своей знаменитой работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» основные формы брачно-семейных отношений и «происхождение» частной собственности, Ф. Энгельс не объяснил, почему до возникновения частной собственности общество (которое по его же определению) было «матриархатным» и матрилинейным, а после — стало патриархатным. Почему бы собственности не концентрироваться в руках именно женщин? Не было ли возникновение частной собственности как раз попыткой мужчин отобрать власть или по крайней мере центральный статус у женщин, чьи приоритеты сложились благодаря самой

⁷ Вайнштейн О. Б. Постмодернизм: история или язык? // Вопр. философии. 1993. № 3. С. 3–7. (Постмодернизм и культура: Материалы «круглого стола»).

⁸ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 78.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. Т. 3. С. 7.

¹⁰ Энгельс Ф. Происхождение... С. 68.

способности рожать новых членов общества?¹¹ Игра власти вокруг категории пола — вещь любопытная, но классики марксизма — ради чистоты анализа — отбросили этот нюанс¹².

Любое неравенство и К. Маркс, и его последователи склонны были объяснять экономическими обстоятельствами — а именно: отношениями собственности. Но личностную тему сквозь призму экономики не объяснить¹³, и не понять, какие факторы обусловили появление маскулинистской идеологии и патриархальной социальной организации.

Одними концепциями об отношениях собственности и воспроизводстве рабочей силы не объяснить причины существования массы женоненавистнических ритуалов и социальных практик — таких (размышляет американский антрополог Гейл Рубин), как бинтование ног на Востоке, пояса невинности на средневековом Западе, ритуальные оскорбления женщин во время мистерий у разных народов. «Анализ воспроизводства рабочей силы не объясняет, почему именно женщины — а не мужчины — выполняют домашнюю работу»¹⁴.

Понимая, что все жизненные аспекты одной экономикой не объяснишь, марксисты — во имя «чистоты схемы» — просто *отбрасывали* то, что экономикой не объяснялось, в том числе и *проблему личностного становления женщин*, проблемы женского самосознания, идентичности. Таков был исторический контекст возникновения марксистской теории: не тема женского самосознания, но тема женского труда была в центре многих европейских научных и публицистических дебатов того времени. *Существование частной собственности и классовой структуры общества* — вот *основные*, согласно Ф. Энгельсу, *причины дискриминации* индивидов по признаку пола (а именно — женщин)¹⁵. Соответственно, изменение производственных отношений в условиях ликвидации частной собственности и ликвидация классового деления общества в этом случае могут стать главным и, по сути, единственным путем спасения женщин от векового неравенства.

И К. Маркс, и Ф. Энгельс зафиксировали в своих работах начальную стадию возникновения социально-полового неравенства — возникновение патриархальной семьи, в которой женщины, дети и рабы стали собственностью наделенных властью мужчин. Их концепция не объясняла, однако, почему — несмотря на то что рабство как формация в течение некоторого времени изжила себя — рабство женщин в семье продолжало существовать веками. Почему мужчина даже в самой бедной семье присваивал (и сейчас присваивает!) через семью как социальный институт часть времени, труда, сил женщины¹⁶. *Отношения в традиционной семье* (с начала возникновения частной собственности и вплоть до времени, когда жили К. Маркс и Ф. Энгельс) предстали в их понимании как *отношения купли-продажи* — и в этом смысле марксизм предвосхитил многие взгляды современных феминисток, а — в известном смысле — и был их источником. Но, говоря о рабочем, ежедневно продающем свою рабочую силу, К. Маркс

¹¹ См. подробнее: *Пушкарева Н. Л.* Новый подход в изучении темы государствообразования и преодоление стереотипов // Советская этнография. 1990. № 6. С. 67–70.

¹² *Воронина О. А.* Женщина и социализм: опыт феминистского анализа // Феминизм: Восток, Запад, Россия / Под ред. М. Т. Степанянц. М., 1993. С. 212–213.

¹³ «Потребности, которые удовлетворяются посредством экономической деятельности, даже в наиболее полном смысле, не исчерпывают всех основных человеческих потребностей...» (*Рубин Г.* Обмен женщинами: Заметки по «политической экономии пола» // Хрестоматия феминистских текстов / Под ред. Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной. СПб., 2000. С. 89).

¹⁴ Там же. С. 94.

¹⁵ *Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С. 31.

¹⁶ Исследователи говорят в связи с описанной ситуацией, что отношения власти должны рассматриваться не только «вертикально», как призывал марксизм, имея в виду иерархическое строение общества, но и «горизонтально» (то есть с учетом гендерной стратификации общества). См. подробнее: *Воронина О. А.* Традиционные философские, социологические и психологические концепции пола // Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций. М., 2001. С. 36–37.

не искал ответа на вопрос, кто дал рабочему (этому лишенному собственности индивиду, которому, якобы, «нечего терять, кроме своих цепей»!) «право» — распоряжаться не только своим трудом, временем, здоровьем, но и временем, трудом, здоровьем своей жены и детей.

Несмотря на интерес марксистов к проблеме воспроизводства — в том числе воспроизводства «человеческого капитала», — вопрос о репродуктивных правах женщин ими не ставился. Как и в случае с присвоением мужем части времени, здоровья, сил женщины в семье, марксизм в этом вопросе оставался на патриархатной позиции, полагая необходимым контроль над женским телом и женской сексуальностью («новое общество», построенное после социалистического переворота, должно было покончить с таким «уродливым явлением капитализма», как проституция). Эти воззрения Ф. Энгельса на женскую сексуальность особенно часто подвергались критике современных западных феминисток¹⁷.

Подобно любому либертиански настроенному индивиду, Ф. Энгельс отрицал ханжество двойного социального стандарта для мужчин и женщин в вопросах сексуальности. Его предположение о том, что нравственность находится в зависимости от экономических потребностей,¹⁸ было вполне прогрессивно по тому времени. Кроме того, доказывая историчность форм семьи, Ф. Энгельс был убежден, что в «примитивном обществе» существовало социальное равенство полов.

Однако на этом прогрессивность мышления классика в вопросе о женской сексуальности заканчивалась. Несмотря на утверждения о равенстве полов в доисторическое время, теоретик убежденно утверждал, что девушек в это время «похищали» и «сексуально использовали» (что, разумеется, элиминирует все рассуждения о равенстве). Рассуждая далее, автор почему-то приходил к выводу о том, что сексуальные устремления мужчин *от природы* сильнее (и в этом — типичный традиционализм мышления классика!), поэтому женщины — при изложении истоков человеческой истории — предстали пассивными созерцательницами, прямо заинтересованными в изменении форм брачных отношений. В параграфе «Парная семья» Ф. Энгельс недвусмысленно обосновывал тезис о том, что беспорядочные половые отношения «должны были казаться женщинам унижительными и тягостными», поэтому сами женщины были заинтересованы в смене групповой формы брака на парную, а затем на моногамную семью («тем настойчивее должны были женщины добиваться права на целомудрие, на временный или постоянный брак лишь с одним мужчиной...»). «От мужчин», — рассуждает теоретик марксизма, так и не обзаведшийся, кстати говоря, собственной семьей, — этот шаг (от группового брака — к парному и моногамии. — *Н. П.*) не мог исходить, помимо всего прочего, еще и потому, что им (мужчинам. — *Н. П.*) вообще никогда, даже вплоть до настоящего времени, не приходило в голову отказываться от удобств фактического группового брака... После того как женщинами был осуществлен переход к парному браку, мужчины смогли ввести строгую моногамию, — *разумеется* (курсив мой. — *Н. П.*), только для женщин...»¹⁹ Иными словами: женщины захотели ограничить мужчин, а те — возьми и не поддайся, да еще ввели ограничения для самих «инициаторов проекта»!

Замечательна сама фразеология классика — «женщины, готовые без сопротивления и возмущения отдаться мужчине», женщины, «уступающие» мужчинам²⁰, — все это выдает в авторе носителя маскулинистской идеологии, а в рассматриваемом тексте — наличие странной, но настойчивой убежденности в том, что в области отношений полов есть что-то неперемное, внеисторичное, обязательно (эссенциально) существующее, над чем не властны социокультурные детерминанты.

Вполне продолжая эссенциалистские воззрения на женскую сексуальность, марксистская концепция «домашней работы» также предстает законченным выражением вполне патриархатных взглядов. Согласно ей, «стоимость» *вынашивания детей* (когда женщина подвергает опасности свое здоровье), *материнства и воспитания* подрастающего поколения, равно как иной *домашней работы* (готовок, уборок и проч.)

¹⁷ *Evans M. Engels: Materialism and Morality // Engels Revisited: New Feminist Essays / J. Sayers, M. Evans, N. Redclift. L.; N.Y., 1987; Jaggar A. Femenist Politics and Human Nature. Brighton, 1983.*

¹⁸ *Энгельс Ф. Происхождение... С. 47.*

¹⁹ Там же. С. 52.

²⁰ Там же. С. 49.

представала в марксистских концепциях несравненно *меньшей*, чем «стоимость» произведенных материальных благ²¹ — на первую теоретики марксизма попросту практически не обращали внимания. Это не значит, что К. Маркс не понимал значимости всего объема «женской работы», ее цены, ее стоимости, — напротив, однажды он даже подчеркнул, что «определение стоимости рабсилы включает в себя исторический и моральный элемент»²², — но как раз изучением этого «исторического и морального элемента» марксизм никогда не занимался, эта область оказалась в центре внимания феминисток. Производству общественных благ и воспроизводству рабсилы классики марксизма никогда не отводили равной роли.

Согласно марксистской теории, подчиненное положение женщины постоянно воспроизводится капиталистической системой. И в участии женщин в общественном производстве марксисты видели залог его быстрого развития. «Однако объяснить полезность женщины для капитализма — это одно, а доказать, что эта полезность является причиной угнетения женщин — совсем другое...»²³, — полагают современные критики марксизма: отцы-основатели марксистской теории *подходили к женщинам* весьма утилитарно — а именно: *как массовой рабочей и социальной силе*, массовому «отряду» пролетариата. Любопытно, что выступая за создание «женской секции» в Международном товариществе рабочих (I Интернационале)²⁴, К. Маркс и мысли не допускал о том, что женщины как социальная группа могут иметь цели и интересы, противоположные интересам мужчин. Подобные идеи он встречал (как и впоследствии В. И. Ленин) жестко отрицательно, видя в этом либо проявление напрасных надежд буржуазных феминисток-либералок, либо — еще жестче — видел в них попытки разобщить рабочий класс, отвлечь его от классовой борьбы в сферу легализованных политических дебатов.

В то же время в распространении *наемного женского труда* марксисты верно *видели экономическую основу для ломки традиционных форм семейных отношений* (при которых мужчина работает, а женщина сидит дома и воспитывает детей). Однако и классики марксизма, и их последователи не задавались целью выяснить, почему в традиционном обществе оплата труда женщин всегда отличается от зарплаты мужчин в меньшую и худшую сторону.

Много позже — более века спустя после опубликования работ К. Маркса, феминистки марксистской ориентации, опираясь на методические принципы анализа положения угнетенных на рынке труда, выявили не менее 4 факторов, повлиявших на возникновение системы неравной оплаты за равный труд мужчин и женщин: 1) общепринятое представление об ответственности мужчины за материальное благополучие семьи и поэтому традиционная финансовая зависимость жены от мужа; 2) наличие мужских профессиональных союзов и их дискриминационная политика в отношении женщин; 3) недостаток образования и квалификации у женщин; 4) более низкий жизненный стандарт у женщин и их согласие работать за меньшую плату²⁵. Низкий заработок — в свою очередь — побуждал женщин, оставшихся одних (вдовы, матери-одиночки), искать возможности выйти замуж, так как иной способ повышения благосостояния для них был менее доступен, а также принимать на себя большую часть домашней нагрузки как «благодарность» за замужество. Домашний труд отнимал много времени, которого не оставалось на повышение профессиональной квалификации, — таким образом, круг замыкался²⁶. Экономическая система капитализма вкупе с патриархатными представлениями предстают *двумя* основными подавляющими системами и «врагами», с которыми

²¹ «Капиталистическое общество ценит товары с высокой меновой стоимостью выше, чем товары с высокой потребительной стоимостью», а потому произведенные на предприятии предметы (товары с высокой меновой стоимостью) можно легко обменять на деньги, а скажем материнство, если его рассматривать как «товар с высокой потребительной стоимостью» — нет. См.: *Hartman H. Capitalism, Patriarchy and Job Segregation by Sex // Signs. 1976. N 1. P. 137–169.*

²² *Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1983. С. 182.*

²³ *Рубин Г. Указ. соч. С. 94.*

²⁴ *Vogel E. Marxism and the Oppression of Women. L., 1983. P. 71.*

²⁵ *Hartman H. Capitalism, Patriarchy... P. 168–169.*

²⁶ *Журженко Т. Экономическая теория и феминизм // Теория и история феминизма: Курс лекций / Под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков, 1996. С. 196–197.*

ведет борьбу современный марксистский феминизм²⁷ (в отличие от «чистого» марксизма, в котором «врагом» является капиталистический или, шире, частнособственнический экономический порядок).

Не удивительно, что и перспективы ломки традиционной семьи и традиционного общества марксисты видели иначе, чем феминистки: в распространении наемного женского труда К. Маркс наблюдал позитивный смысл — создание экономических предпосылок для ликвидации существующих форм собственности, для освобождения (как казалось авторам теории) сразу всего «мира насилия», всех «униженных и оскорбленных», в том числе и женщин.

Позже В. И. Ленин прямо писал об этом: «привлечение к труду женщин и подростков есть явление в основе своей *прогрессивное*... (курсив мой. — Н. П.) Крупная машинная индустрия... повышает их самостоятельность, т.е. создает такие условия жизни, которые стоят несравненно выше патриархальной неподвижности докапиталистических отношений...»²⁸

Поэтому *дискриминация женщин* представляла в рассматриваемых работах только *частным случаем всей социальной дискриминации*. Чтобы от нее избавиться, женщинам предлагалось вливаться в ряды работников наемного труда, принимать активное участие в классовой борьбе, которая ведет к социалистическому перевороту. А уж в обществе, свободном от дискриминации, эксплуатации и угнетения, казалось тогда, будут созданы условия для действительного равенства мужчин и женщин. При этом проблема уравнивания женщин в правах с мужчиной незаметно оказалась подмененной проблемой «уравнивания женщин перед лицом народного хозяйства» в качестве «трудовой силы» с мужчиной.

С исчезновением же понятия «женская личность» *исчезала и проблема становления женщины как субъекта истории*²⁹. Становилось непонятно: зачем защищать «особость» женских прав, если ее вообще нет?

Зачем писать особую историю женщин, если она та же, что и у мужчин? Кто такая «женщина»? Ф. Энгельс с немецкой грубоватостью ответил на подобный вопрос австрийскому поборнику решения «женского вопроса» Г. Бару в либеральном ключе — «если отнять все исторически сложившееся, то... перед нами предстанет самка человекообразной обезьяны»³⁰. Разумеется, такое отношение теоретика к предмету обсуждения лишило его оппонента возможности поднимать сам вопрос об экзистенциальной фемининной сущности.

В конечном счете, и В. И. Ленин довел свои размышления по женскому вопросу до *признания отсутствия существования* каких бы то ни было *женских социальных интересов, отличных от интересов* данной *социальной страты (класса) в целом*. В новом обществе, которое будет построено после социалистического переворота, считал он, само государство возьмет на себя заботу по воспитанию детей и организует быт настолько хорошо, что женщины будут освобождены от «повседневной отупляющей домашней работы»³¹.

Стремясь побыстрее «изменить» (а не только «объяснить») мир, *марксисты* считали свою теорию единственно верной и *не желали объединяться* или по крайней мере искать компромиссные решения с другими поборниками решения «женского вопроса» — прежде всего с феминистками. Задачей марксистов было подчинение женского рабочего движения движению за пролетарскую революцию, и те, кто противился этому, считались если не врагами, то ненужными попутчиками. Ф. Энгельс считал борьбу западных феминисток за предоставление женщинам избирательных прав «чисто буржуазной

²⁷ Монсон П. Современная западная социология. СПб., 1992. С. 245.

²⁸ Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 548.

²⁹ См.: Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998. С. 30.

³⁰ Энгельс Ф. Письмо П. Эрнсту, 5 июня 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 353.

³¹ Ленин В. И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 200.

затеей»³², «хламом», В. И. Ленин — «отвратительным буржуазным лицемерием»³³, а применительно к самим деятельницам феминизма классики употребляли такие определения, как «эти дамочки»³⁴, «буржуазные и мещанские карьеристки»³⁵ и даже «полубуржуазные *ослицы*» (курсив Ф. Энгельса. — *Н. П.*)³⁶.

Намеренно уходя от рассмотрения вопроса о причинах сохраняющейся тенденции мужчин к присвоению времени, сил, труда женщин (присвоения, происходящего — в том числе и прежде всего — в рамках семьи), К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно и настойчиво подчеркивали свое согласие с тезисом Фурье о том, что «степень эмансипации женщины в обществе есть естественное мерило общей эмансипации»³⁷. Причина подобной настойчивости становится понятной при обращении к работам В. И. Ленина, который довел рационально-утилитарную идею своих предшественников до логической завершенности: проблемы эмансипации женщин интересовали марксистов лишь в связи с перспективой глобального социального переустройства общества. *Тема женской эмансипации* интересовала К. Маркса, Ф. Энгельса, а за ними и В. И. Ленина лишь в связи и только будучи *увязанной с задачами революционного переворота*, и задачи женского движения — в этом свете — рассматривались теоретиками марксизма лишь в связи с общими задачами всего пролетарского общественного движения.

Представители «сильного пола» — классики марксизма — безапелляционно присвоили себе право определять цели женского движения, равно как намерение подчинять его вначале идее революции, а потом индустриализации, коллективизации и т.д., завладели правом говорить о женских интересах и социальных задачах и даже представлять эти интересы и задачи в обществе³⁸. Иными словами, женщины как масса представляли для теоретиков марксизма *средство* решения государственных задач³⁹. Практически все теоретики марксизма (за исключением деятелей «второго ряда» и, к тому же женщин, в частности — А. М. Коллонтай) отводили женщинам *пассивную роль*, рассматривая их в качестве «страдалиц», которых надо «спасать», либо (если речь шла о представительницах «эксплуататорских классов») — в качестве получательниц неких выгод, которых добились мужчины⁴⁰.

Примечательно в этом контексте, что все эти «присваиватели» женских интересов — и К. Маркс, и Ф. Энгельс, и В. И. Ленин — считали (*вполне в патриархальном духе*) всю женскую работу *непрестижной, унижительной*, в терминах В. И. Ленина — «отупляющей» (по странному обстоятельству монотонную работу на фабрике основатель первого социалистического государства унижительной и отупляющей не называл). Образец подобных оценок был задан классической работой Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», в которой приведены письма рабочих и анализировались случаи смены семейных ролей (то есть описывались семьи, в которых женщины работают по 12 часов, а мужчины, не найдя рабочего места, вынуждены выполнять женскую домашнюю работу). Подобные ситуации характеризуются классиком марксизма как «нелепое, бессмысленное положение», когда «женщина зарабатывает на всю семью», а мужчина «смотрит за детьми, стирает, стряпает». «Мужчина перестает быть мужчиной, а женщина — женщиной», — делает вывод Ф. Энгельс, — но это положение «не может

³² Энгельс Ф. Письмо Л. Лафарг, 2 октября 1891 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 145.

³³ Ленин В. И. Пятый международный съезд по борьбе с проституцией // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 331–332.

³⁴ Энгельс Ф. Письмо Ф.А. Зорге, 29 октября 1891 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 167–168.

³⁵ Энгельс Ф. Письмо П. Эрнсту, 5 июня 1890 г. // Там же. Т. 37. С. 350.

³⁶ Энгельс Ф. Письмо Л. Лафарг, 2 октября 1891 г. // Там же. Т. 38. С. 145.

³⁷ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Там же. Т. 20. С. 270–271.

³⁸ «Партия должна иметь органы, специальная задача которых — будить массы женщин, связывать их с партией и удерживать под ее влиянием» (*Цеткин К. Из записной книжки // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 5. М., 1970. С. 48.*)

³⁹ См. об этом: *Хасбулатова О. А. Социальная феминология. Иваново, 1998. С. 17.*

⁴⁰ *Coole D. Women in Political Theory. L., 1988. P. 21.*

придать мужчине ни настоящей женственности, ни женщине — мужественности, которое самым позорным образом унижает оба пола и в каждом из них человеческое достоинство»⁴¹.

Затем Ф. Энгельс, приводя письмо рабочего, невольно выражает собственное отношение к ситуации. Рассказывая о том, как один рабочий увидел другого штопающим шерстяные чулки жены большой штопальной иглой, он подчеркивает, что «застуканный» за выполнением женского ремесла мужчина хотел «немедленно спрятать работу», приводит слова рабочего о том, что это — «нехорошая работа» («оставаться дома, присматривать за детьми, подметать, стирать, стряпать и штопать»), и сочувствует тому, что рабочий «горько плакал», рассказывая о постигшем его «несчастье» («Теперь все встало вверх ногами!»).

Комментируя описываемые им письма рабочих, Ф. Энгельс именуется смену социально-половых и семейных ролей «полным *искажением* (курсив мой. — Н. П.) отношений между полами» и делает довольно странный вывод о том, что — по его предположению, в описываемых им семьях рабочей связующей нитью была «не семейная любовь, а личная заинтересованность, сохранившаяся, несмотря на кажущуюся общность имущества». Господствующая в семье рабочего женщина-кормилица предстает носительницей нехитрого богатства, а мужчина — лицом, заинтересованным в получении его доли. Сочувствуя героиням своего очерка, вынужденным не только соглашаться на любую, даже самую низкооплачиваемую работу, но и поспешно выходить замуж, терпеть домогательства мастеров на фабрике, Ф. Энгельс в оценке этого феномена опять-таки оставался на традиционных, эссенциалистских позициях. Он демонстрировал озабоченность тем, что молодые женщины из среды лиц наемного труда «не умеют ни шить, ни вязать, ни готовить, ни стирать», не знают, «как обходиться с маленькими детьми», и пугал читателей тем фактом, что именно из рабочей среды формируется «большинство проституток города». Классик (вероятно, ненамеренно) «забывал» поразмышлять о симметричных, соответствующих семейных обязанностях мужчин — ремонтных, строительных, семейных обязанностях (и прежде всего обязанности отцовства), о распространенности пьянства как формы досуга среди лиц наемного труда⁴². Столь много размышлявшие об угнетении вообще и капиталистическом в частности, К. Маркс и Ф. Энгельс совсем не задумывались о том, как муж-пролетарий может эксплуатировать свою жену, отказываясь от участия в домашней работе.

К. Маркс и Ф. Энгельс вообще мало обращались собственно к теме «работниц» — они не только ни разу не задались вышеописанным вопросом о неравной оплате за равный труд мужчин и женщин на капиталистическом предприятии, но и не задумывались над смыслом мужского неприятия женского труда (и сами считали его — вслед за рабочими — «позорным»). Несмотря на пристальное внимание к экономическим аспектам любой темы, К. Маркс не остановился на таком типичном феномене капиталистического общества, как «семейный заработок» — на заработках мужчин, достаточных для содержания жены и детей и позволяющих (вследствие их солидных размеров) держать и жену, и детей в экономической зависимости⁴³ — при любом способе производства (исторической формации).

Зато в размышлениях о сексуальных отношениях в семьях будущего вопрос об экономической зависимости женщин от мужчин был развернут самым неожиданным образом. Поскольку при социализме, считали классики, за детей будет «отвечать» все общество (через специально созданные структуры и институты), постольку у девушек «не будет места опасениям за “последствия”» (имеется в виду положение одинокой женщины с ребенком, которого не на что содержать), «которые заставляют молодую девушку

⁴¹ Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 375–380.

⁴² Там же. С. 380–381.

⁴³ Vogel L. Op. cit. P. 240.

отказываться от близости с любимым мужчиной»⁴⁴. Мысль о том, что эффективная контрацепция может избавить ее от таких «опасений» и что девушка может просто не захотеть забеременеть, похоже, и не приходила в голову Ф. Энгельсу, сосредоточенному на экономической мотивации сохраненных и не сохраненных беременностей. Не видели классики — от К. Маркса и до В. И. Ленина — и тех опасностей, которые может таить для женщины мужская сексуальность даже в социалистическом обществе. Несмотря на то, что проблемы домашнего насилия стояли в центре внимания и обсуждения европейской печати XIX века⁴⁵, теоретики марксизма — столь много рассуждавшие о насилии вообще и революционном насилии в частности — не отвели теме домашнего насилия никакого места в своих сочинениях. В отношениях мужей и жен в семьях рабочих Ф. Энгельс скромно наблюдал лишь «некоторую грубость в обращении, укоренившуюся со времен введения моногамии»!⁴⁶ В отличие от феминисток — и XIX века, а особенно современных⁴⁷ — К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин никогда не рассматривали изнасилование как инструмент мужской власти над женщинами.

Полагая, что в обществе будущего, где будет отсутствовать частная собственность и «не будет поэтому никаких побудительных мотивов» для установления в семье отношений господства/подчинения, автор знаменитой теории о происхождении семьи и частной собственности считал, что женщины в такой семье будут всегда свободны в решении уйти от жестокого или нелюбимого мужа. «Помехи» вроде детей, а уж тем более страхов, связанных с одиночеством, недостаточностью заработка, общественным осуждением женщины, решившейся уйти от мужа, казались, по всей видимости, Ф. Энгельсу столь незначительными, что не брались им в расчет и опускались во всех его теоретических построениях.

Вместо размышлений о том, что *мужчины* как члены семьи могут привнести в создаваемые на глазах новые семейно-брачные отношения, как с помощью именно мужского участия может быть облегчено двойное угнетение женщины в обществе (на производстве и дома), Ф. Энгельс эмоционально выражал романтическую надежду на развивающуюся в рабочей среде систему «ясель для младенцев тех женщин, которые работают в соседних артелях»⁴⁸. В. И. Ленин позже обобщил эту идею до уровня государственной политики «борьбы» (!) с «мелким домашним хозяйством»: «Настоящий коммунизм начинается только там... где начинается массовая борьба (руководимая... пролетариатом) против мелкого домашнего хозяйства или массовая перестройка его в крупное социалистическое хозяйство»⁴⁹. Вся патерналистская идеология по отношению к женщине, занимавшая прочные позиции в государственной политике Советской России, базировалась как раз на подобных теоретических построениях классиков.

Это, разумеется, было проявлением общей убежденности основателей марксистской теории в том, что «действительное равноправие женщины и мужчины может осуществиться лишь тогда, когда ведение домашнего хозяйства, бывшее до этого частным занятием, превратится в отрасль общественного производства»⁵⁰. К сожалению, ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс не размышляли над вопросом о том, *кто же будет выполнять эту работу* по воспитанию детей, стирке, готовке, когда она станет отраслью общественного производства. На него довольно прямолинейно ответил В. И. Ленин: «Освобождение

⁴⁴ Энгельс Ф. Происхождение... С. 85.

⁴⁵ Wilson E., Weir E. Hidden Agendas: Theory, Politics and Experience in the Women's Movement. L., 1986; Rendall J. Equal or Different: Women's Politics 1800–1914. Oxford, 1987.

⁴⁶ Энгельс Ф. Происхождение... С. 74.

⁴⁷ Об этом см.: Millett K. Sexual Politics. L., 1985.

⁴⁸ Энгельс Ф. Письмо К. Марксу, 10 ноября 1868 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 160.

⁴⁹ Ленин В. И. Великий Почин // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 24.

⁵⁰ Энгельс Ф. Письмо Г. Гальом-Шак, 5 июля 1885 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 294.

женщин работниц должно быть делом самих женщин-работниц»⁵¹. И нам же отлично известно, какой ответ дала на этот вопрос история: женские профессии вне семьи оказались продолжением женской домашней работы и в социалистическом обществе (нянька, учительница, приемщица белья, повариха).

Говоря коротко: первой предпосылкой освобождения женщин классики марксизма считали «возвращение [имеется в виду — со времен доисторических, когда все женщины работали. — *Н. П.*] всего женского пола к общественному производству», второй — указанное выше превращение домашнего хозяйства в отрасль общественного производства, которое произойдет не раньше, чем совершится социалистическая революция.

О женских интересах в этом контексте классикам думать не приходилось. Более того, в мечтаниях о путях разрешения женского вопроса, теоретики марксизма иной раз «проговаривались» о своих опасениях, связанных с допущением большей женской самостоятельности. В. И. Ленин, говоря в 1919 году о задачах женского движения в Советской республике, прямо указывал на то, что «политическая деятельность женщин будет состоять в том, чтобы своим организаторским умением *женщина помогла мужчине*» (выделено мною. — *Н. П.*)⁵². Иными словами, сам автор практических рекомендаций по строительству нового общества признавал высокий уровень организаторских умений женщин и предлагал лишь использовать их в нужном идеологам направлении. Женский труд, полагал В. И. Ленин, должен быть направлен на развитие общественного производства, а уж прогресс последнего с неизбежностью вызовет изменения в социальном статусе не только самих работниц, но и всех женщин социалистического общества.

При подведении итогов анализа концепции марксизма по «половому» и «женскому» вопросам, напрашивается вывод о том, что эта концепция не была нейтральной в отношении полов. Взгляды классиков марксизма отражали *мужской взгляд* на мир, который не принимал во внимание женские потребности и женский опыт. О частных аспектах этого «невнимания» уже сказано выше. В общем же, широком смысле слова именно этот унитарный мужской взгляд (в противоположность женской готовности к плюральности выводов и подходов) заставлял марксизм центрироваться на приоритете экономических классовых интересов, не учитывавшем возможность объединения индивидов по половому (равно как, кстати сказать, и расовому) признаку. Этот же мужской взгляд заставлял рассматривать и освоение природы как ее «покорение» (за что марксизм сейчас серьезно критикуем экофеминизмом, который настаивает на возможности взаимодействия с природой и ее «понимания», то есть на применимости «женских» методов ее освоения)⁵³. Феминистки неоднократно критиковали марксистскую теорию и со многих иных позиций, и прежде всего — представления марксистов о невозможности существования патриархата и внеэкономического угнетения женщин, особенно в обществе, свободном от эксплуатации.

Однако, несмотря на «несчастливость» брака марксизма и феминизма, марксизм как концепция «подарил» феминизму немало методических подходов, приемов и идей. Среди них — значимость экономического фактора в воспроизводстве рабочей силы и обеспечении самостоятельности и равноправия, историзм (возможность рассмотрения прав, привилегий и достижений только в определенном историческом контексте) и, следовательно, историчность любой идеологии (в том числе — и идеологии мужского

⁵¹ Ленин В. И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 204.

⁵² Там же.

⁵³ Карпенко Е. Экофеминизм // Гендерные исследования: феминистская эпистемология в социальных науках. Харьков, 1998. С. 309–314; Болотова А. Гендерное измерение участия в экологическом движении: (На примере Санкт-Петербурга) // Женщина в мире мужской культуры: путь к себе: Материалы международной научной конференции 15–17 июля 1999. СПб., 1999. С. 60–61.

превосходства, сделали вывод феминистки⁵⁴). Можно назвать также проблему «принуждения» не как одностороннего процесса, но как процесса, в котором участвует сам угнетаемый (феминистки рассматривают ее в контексте поддержания самими женщинами их неравноправного положения)⁵⁵, а также проблему необходимости перестройки, реструктуризации всего общества как предпосылки ликвидации угнетения какой бы то ни было социальной группы (у марксистов — пролетариата, у феминисток — женщин).

⁵⁴ Поэтому столь популярно цитирование высказывания Ф. Энгельса о том, что «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями» (*Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 45*). См. также: *Брайсон В. Политическая теория феминизма. М., 2001. С. 86–87*. Однако в феминистской литературе встречаются и указания на опасность прямого использования марксистских идей, их прямого перенесения в феминистские исследования — и в частности, в вопросе об экономических основаниях развития любой идеологии: «Марксизм дал скорее догадку, метафору для дальнейших размышлений, но вряд ли ... теоретическое изложение гендерной идеологии» (см.: *Barrett M. Marxist Feminism and the Work of Karl Marx // Feminism and Equality / Ed. by A. Phillips. Oxford, 1987. P. 53*).

⁵⁵ *Barrett M. Op. cit. P. 51.*